

Р. А. Давыдов

**НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ НОРВЕГИИ,
СЛУХИ О РУССКОЙ УГРОЗЕ И МАССОВОЙ ИЗМЕНЕ
НОРВЕЖЦЕВ В ПОЛЬЗУ РОССИИ
(ПО ДОНЕСЕНИЯМ РУССКОГО КОНСУЛА
О. ВИЗЕЛЯ ЛЕТОМ 1903 ГОДА)**

Русская угроза — тупик для историка.

Во второй половине XIX — начале XX века в Великобритании, Соединенных королевствах Швеции и Норвегии было распространено убеждение, что Россия собирается захватить незамерзающие гавани Северной Норвегии, в первую очередь провинцию Финнмарк¹, для устройства там военно-морских баз. В действительности таких планов у России не было. Документов, указывающих на их существование, до сих пор не обнаружили ни российские, ни зарубежные исследователи². По образному выражению современного норвежского историка Й. П. Нильсена, написавшего серию работ на эту тему, «русская угроза»³ Финнмарку — миф, а желание доказать обратное — «очевидно, тупик для историка»⁴.

Действительно, изучать «русскую угрозу» Финнмарку серьезному исследователю невозможно ввиду отсутствия предмета исследования. Но миф о русской угрозе, сочиненный подданными Великобритании в 1830-х годах, вполне может сам быть предметом исследования, который можно будет изучать еще достаточно долго в самых разных аспектах.

Один из таких аспектов я попытался рассмотреть в своей статье, опубликованной в 2009 году в Санкт-Петербурге в сборнике «Империи и им-

периализм Нового и Новейшего времени» и в Архангельске — в «Баренц-журнале»⁵. Мне было интересно выяснить, влиял ли каким-либо образом фактор «русской угрозы» на взгляды, деятельность российских дипломатов в Норвегии и Швеции и, как следствие, на мероприятия российских властей в Евро-Арктическом регионе? И если да, то как?

На ряде конкретных примеров второй половины XIX — начала XX века я показал, как несуществующая «русская угроза» портила имидж российских дипломатов в Соединенных королевствах Швеции и Норвегии. Как болезненно российские дипломаты реагировали на необоснованные подозрения их в шпионаже и тому подобной деятельности и соответствующие публикации в скандинавской прессе. Как, чувствуя постоянное внимание к себе со стороны властей и общественности Швеции и Норвегии, они, дорожа личной репутацией, с явным неудовольствием принимали участие в мероприятиях, которые, по их мнению, могли быть восприняты как подтверждение существования «русской угрозы». И как в отдельных ситуациях нежелание казаться живым олицетворением угрозы вынуждало российских посланников и консулов выступать против мероприятий, кажущихся им «щекотливыми», даже если эти мероприятия, отвечая интересам российских подданных, не противоречили ни национальным законам, ни принципам международного права. Был сделан вывод о том, что взгляды дипломатов формировали официальную позицию российского МИДа, которое не единожды приостанавливало реализацию инициатив других министерств и частных лиц, которые могли быть истолкованы за рубежом в контексте «русской угрозы». Которой на самом деле не существовало.

Настоящая статья является естественным продолжением указанных выше публикаций.

К концу XIX — началу XX века миф о «русской угрозе» настолько внедрился в массовое сознание норвежцев и особенно шведов, что мало кто уже сомневался в существовании у России конкретного плана по захвату норвежских «незамерзающих фиордов». С интересом обсуждалось, когда русские решатся осуществить этот план на практике, ограничатся ли они только Финнмарком, в каких формах будет выражена предшествующая захвату экспансия?

«Как в Норвегии, так и в Швеции глубоко укоренилось убеждение, что Россия замышляет захватить при удобном случае северные норвежские области с целью приобретения незамерзающего порта на берегу Атлантического океана. Убеждение это весьма часто высказывается в местной печати, и я думаю, что никакие усилия с нашей стороны не в состоянии

поколебать это ложное представление. В виду этого *каждое национальное предприятие наше в Северной Норвегии будет неизбежно истолковано в смысле шага к осуществлению приписываемого нам замысла*», — писал в 1894 году в одном из своих донесений И. А. Зиновьев, возглавлявший тогда Российскую императорскую миссию в Стокгольме⁶.

И. А. Зиновьев заблуждался, полагая, что каждому подъему очередной волны русофобских спекуляций в скандинавской прессе должен предшествовать некий «шаг», некое действие, предпринятое российской стороной (государством или частными лицами), которое потом будет превратно понято и истолковано. События 1903 года показали, что ни России, ни отдельным ее подданным вообще не нужно ничего делать. Оказалось, что скандинавская пресса способна представить зловещий призрак «русской угрозы» даже в исключительно внутренних делах Норвегии и ее проблемах. Когда давняя неприязнь норвежских рыбаков к норвежским предприятиям, занятым китобойным промыслом и переработкой продукции этого промысла⁷, достигла наивысшего накала и привела в 1903 году к массовым беспорядкам в Норвегии, корреспонденты ряда газет обвинили в них... Россию!

Обстоятельства этой истории подробно представлены в серии донесений Императорского российского консульства в Финмаркене. Их оригиналы сохранились в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ)⁸. Автор — консул О. Визель, о жизни и деятельности которого пока очень мало известно и опубликовано. Историкам, занимающимся русско-норвежскими отношениями, он известен главным образом как составитель «Сборника норвежских узаконений, касающихся торговли и промыслов русских подданных в Северной Норвегии», опубликованного в 1909 году⁹.

«Около 1500 рыбопромышленников... в совершенно трезвом виде и сознательно разнесли китобойный завод»

Первое донесение консула О. Визеля за исходящим № 117 на интересующую нас тему было отправлено из Хаммерфеста¹⁰ 17 (30) июня 1903 года в Санкт-Петербург, адресовано во II департамент МИД¹¹ и доставлено получателю 24 (7) июня 1903 года. Вот его текст с незначительными сокращениями:

«Как я уже имел честь сообщать в своих прошлогодних донесениях, весною этого года должен был рассматриваться в норвежском Стортинге проект закона о запрете в Норвегии на 30 лет боя китов.

Означенное предложение было вызвано замеченным в последние годы в С. Норвегии падением рыбных промыслов, что, по глубоко вкоренивше-

муся промышленников мнению, произошло от чрезмерного истребления китов в водах, омываемых Норвегию.

Мнение это, чрезвычайно распространенное и у нас, и на Мурмане, основано, как я уже упоминал, на том факте, что киты, питаясь тою же мойвою и мелкою сельдью, как и треска и другая рыба, подгоняют мойвенные стада к берегу и тем заставляют рыбу также держаться близ берега. Далее, по выражению рыбаков, киты преследуются касатками (*orca gladiator*), которые, сопутствуя [китам. — *Р. Д.*] и нападая на китов, вместе с тем не брезгают и тюленями — этою грозю рыбы, ввиду чего тюлени будто бы избегают близости китов и их неизменных спутников — касаток. Наконец, выстрелы и кровь раненого кита распугивают, по наблюдениям промышленников, рыбу, тогда как фонтаны, пускаемые китами, служат всегда заметным издали верным признаком нахождения рыбы.

Ввиду предстоящего в Стортинге обсуждения упомянутого проекта запрета боя китов, вся Норвегия разделилась на два лагеря. Тогда как южная Норвегия явилась более консервативною и не изъявила охоты для каких-то проблематичных выгод рыбных промыслов, ни лишать государство довольно крупного дохода, а население — заработка от китобойного промысла, ни обременять казну лишним расходом по обязательному выкупу китобойных предприятий, необходимому в случае принятия закона, С. Норвегия, где промышленное население составляет большинство, в целом ряде резолюций, адресов и депутатий старалась убедить Стортинг в необходимости означенной меры.

Избранные рыбачьим населением С. Норвегии депутаты Стортинга старались показать своим избирателям, насколько близко они принимают к сердцу их интересы, и, желая в то же время заручиться их расположением ввиду предстоящих осенью этого года новых выборов в Стортинге, усердно и постоянно в речах и печати проводили мысль о необходимости этого закона.

Неудивительно после всего вышеизложенного, что разгоряченное такою энергичною агитациею промышленное население С. Норвегии, уже и прежде относившееся крайне враждебно к китобойным станциям и заводам в крае, почувствовало свою силу и стало даже высказывать угрозы саморасправы по адресу китобоев.

Столь неприязненное настроение населения побудило некоторых, более осторожных представителей китоловства заблаговременно, не дожидаясь принятия или непринятия закона, перенести свою деятельность за пределы страны. Так, одно общество стало с начала этого года промышленять

у Фарерских островов, другое же додумалось зафрахтовать большой парокход и устроить на нем завод-станцию для обработки доставляемого боем китов материала. Управляющий этой станцией сообщил мне, что общество намерено промышленять у Медвежьего острова и у Шпицбергена, и постарается на последней земле установить завод в одном из западных фиордов этой группы островов, а в случае неудобства или невозможности привести этот план в исполнение будет обрабатывать китов на пароходе среди моря.

Часть китобоев, однако, осталась в Норвегии, вызывая своим присутствием и деятельностью все большее неудовольствие рыбаков, поведшее недавно в Мегавне¹², становище С. Норвегии на пути между Гаммерфестом и Вардэ¹³ к взрыву, имевшему следствием разгром станции и завода рыбопромышленниками.

Около 1500 рыбопромышленников, бывших по случаю праздников Св. Троицы и Духова дня на берегу, в совершенно трезвом виде и сознательно разнесли китобойный завод и собирались идти разбивать другие заводы, но были остановлены в своем шествии на лодках противным ветром, благодаря чему власти успели доставить для охраны заводов войска, чем и остановили дальнейшее самоуправство промышленников.

Такая саморасправа послужила, однако, скорее ко вреду рыбаков, чем им на пользу. Независимо от суда и наказаний, которым они подвергнуты, рыбаки потеряли благодаря своему образу действия много во мнении Стортинга, непосредственным результатом чего было то, что закон о запрете лова китов рассмотрением отложен.

Перенося все последние события на почву партийной борьбы, консервативная пресса старается взвалить всю вину на депутатов, обвиняя их, впрочем, не без некоторого основания, что они своею агитациею натолкнули рыбаков на такое самоуправство, и в ряде статей распространяется о факте слабости правительственной власти и особенно об отсутствии понятия о праве у промышленников. Между прочим, один из наиболее консервативных органов Христиании, газета "*Morgenbladet*", обсуждая прискорбные события в Мегавне, приходит к интересному заключению, что если такие своеволие и распущенность рыбопромышленников нынче нанесли вред норвежским гражданам, то в другой раз они могут обратиться против иностранцев, особенно русских, и что тогда «маленькой стране» придется, пожалуй, за самоуправство рыбаков дорого расплачиваться перед сильною соседкою. Следует, однако, заметить, что здесь, на Севере, русские являются для промышленников напротив, желанными гостями, так как их появление дает промышленникам возможность продавать рыбу по дорогой цене,

которой им не дают ни местные купцы, ни приезжающие с юга норвежские скупщики, и по сему чего-либо неприязненного по отношению русских со стороны промышленников ожидать нельзя»¹⁴.

Итак, толпа норвежцев в полторы тысячи человек раскатала по бревнышкам целый завод (тоже норвежский), собиралась сделать то же самое и с другими расположенными поблизости норвежскими заводами и лишь благодаря случаю не смогла этого сделать. Казалось бы, причем тут Россия? А притом, что она *могла бы* каким-то образом покарать «маленькую страну»¹⁵, *если бы* когда-нибудь каким-то образом при подобных беспорядках пострадали ее подданные.

Автор столичной норвежской газеты, видимо, далекий (во всех смыслах) от проблем рыбаков Северной Норвегии, помянул все привычную «русскую угрозу» как возможную реакцию России на недружественные действия норвежцев по отношению к россиянам. Однако через несколько дней «русская угроза» обнаружилась совершенно с другой стороны. Прошел слух, что норвежские рыбопромышленники не только не собираются обращать свои «своеволие и распущенность» против русских, а, наоборот, хотят обратиться за помощью к России для противостояния своим, норвежским, властям и армии! Получалась еще более страшная картина.

«Тысячи виноваты в тяжком преступлении изготовления телеграммы к русскому правительству с просьбою о помощи...»

Из донесения консула О. Визеля за исходящим № 169 из Хаммерфеста от 24 июля (6 августа) 1903 года, адресованного Н. А. Малевскому-Малевичу¹⁶, полученного в Санкт-Петербурге 4 (17) августа 1903 года:

«В свое время я имел честь доносить о бывших в июне месяце сего года беспорядках в Мегавне. В своем донесении за № 117 я сообщал, что беспорядки эти, выразившиеся в разгроме китобойных станции и завода в Мегавне, были главным образом вызваны недовольством рыбаков на китоловов, отчасти же были подготовлены также агитациею лиц, преследовавших свои личные интересы. События эти окончились призывом войск, откомандированием в Мегавн военного суда и, наконец, отдачею под суд 9 человек, считаемых главными зачинщиками.

Одновременно с беспорядками в Мегавне происходили сходки и волнения в Гамвике, Берлевоге [название следующего населенного пункта в документе неразборчиво. — *Р. Д.*] и других становищах Сев. Финмаркена, вызвавшие также необходимость присутствия войск.

Несколько времени тому назад пронесся слух, будто бы рыбаки Северной Норвегии, не видя помощи со стороны своего правительства в одном из наиболее жизненных для них вопросов — а таковым они считают вопрос о запрете боя китов — на сходке, созванной в Гамвике по поводу мегавнских беспорядков и ввиду слухов о приближении войск обращались или собирались обращаться к Русскому правительству за помощью.

Первая сообщила о факте газета [название газеты неразборчиво: *Hålogaland* (?). — *Р. Д.*], выходящая в Harstad, поместив у себя следующую цитату: “К чему арестовывать промышленников, когда *тысячи виноваты в тяжком преступлении* изготовления телеграммы к Русскому правительству с просьбою о помощи и под влиянием как своего собственного фанатизма, так и занимающих выдающееся общественное положение русских, бывших там в печальные дни мегавнских событий, — когда промышленники вооружаются с головы до ног, твердо *намереваясь объявить войну своему собственному Отечеству?*” (от 18 июля).

Сообщение это, появившееся впервые в мелкой провинциальной газете Тромсенской губернии, прошло с различными комментариями через всю норвежскую прессу и проникло затем в шведские и немецкие газеты с нелестными для норвежского правительства заключениями¹⁷.

О. Визель отмечал, что слухи о «тяжком преступлении» собравшихся в Гамвике рыбаков, тиражируемые газетами, по мере удаления от Гамвика становились все фантастичнее. Муссировались показания неких свидетелей, бывших на сходке рыбаков в Гамвике и сообщавших, что ключевой фигурой собрания там и едва ли ни инициатором обращения норвежских рыбаков за помощью к России для защиты от норвежских же войск был будто бы какой-то влиятельный русский — чиновник или офицер! Он, дескать, слишком подозрительно оказавшись в нужное время в нужном месте, взял на себя труд доставить телеграмму к русскому правительству.

Получалось, что по сравнению с инцидентом в Мегавне, где толпа разрушила завод, мирное собрание рыбаков в Гамвике гораздо опаснее для норвежского государства. В первом случае речь шла всего лишь о беспорядках и самоуправстве. Во втором — о массовой измене своему государству и иностранном вмешательстве во внутренние дела Норвегии.

Однако в ходе следствия, проведенного норвежскими властями, результаты которого были частично обнародованы, от сенсации мало что осталось.

В донесениях О. Визеля от 24 июля (6 августа) и 29 июля (11 августа) 1903 года сообщалось, что коварным русским офицером оказался

И. А. Шершедт¹⁸ — норвежец, как и десятки других его соотечественников, переселившийся на Мурман и принявший русское подданство. В Гамвик он приезжал покупать рыбу. Видимо, устав потом оправдываться и беспокоясь за свою репутацию, он выступил в норвежских газетах с опровержением приписываемой ему роли провокатора. Он написал, что во время беспорядков в Мегавне действительно был в Гамвике, но в сходке рыбаков не участвовал, противостоянием рыбаков и китобоев не интересовался и тем более не брал на себя обязательств по пересылке каких-либо телеграмм русскому правительству. «Офицером» И. А. Шершедт оказался вообще по недоразумению. В одной из газет Северной Норвегии его как-то назвали *капитаном* (в смысле «шкипером»). В Христиании — норвежской столице — «капитан» было понято как «офицер»¹⁹. Единственное, что более или менее было похоже на правду, — это то, что И. А. Шершедт и в самом деле являлся в известной мере «влиятельной» персоной на Мурмане. И. А. Шершедт упомянут в «Адрес-календаре Архангельской губернии на 1903 год» в разделе «Упрощенные общественные управления»; указана и его должность — городской староста Кольского общественного управления²⁰. Должность эту он занимал и в последующие 1904, 1905 годы²¹.

О. Визелю ничего не было известно и собственно о будто бы составленной в Гамвике телеграмме норвежцев к русскому правительству. «Повидимому <...> телеграммы ни прямо, ни косвенно послано не было, а были посланы таковые королю и Стортингу. Таким образом, весь инцидент сводится к не приведенной в исполнение мысли прибегнуть к защите России, мелькнувшей у некоторых промышленников со страху перед войсками», — резюмировал О. Визель²².

Обаяние русской «тирании»?

Газетные спекуляции на тему «русской угрозы» в контексте событий 1903 года в Мегавне и Гамвике побудили О. Визеля в своих донесениях о них заодно порассуждать и об этом политическом и культурном мифе в общественном сознании норвежцев, его влиянии на отношение норвежцев к России и русским. Эти рассуждения представляются интересными, оригинальными, поэтому далее я вновь позволю себе привести еще одну пространную цитату из донесения консула от 24 июля (6 августа) 1903 года.

«Если вспомнить, что пресса норвежская постоянно вселяет в местных жителях убеждение, будто Россия стремится завладеть Северной Норвегиею, будто вся наша деятельность в Финляндии объясняется подготовле-

нием к исполнению этой задачи, если, наконец, принять во внимание, что та же пресса не щадит красок чтобы представить положение дел в России в самом непривлекательном виде, постоянно утверждая, что вместо строгой законности, будто бы царящей в Норвегии, у нас процветает полный произвол, кнут и тирания, то можно себе представить удивление и негодование газет, когда оказалось, что местные промышленники, по-видимому, вовсе не ужасаются России, а, напротив, думают даже прибегнуть к ее защите²³.

На правительство и неумение его вселять в население любовь и привязанность к Родине посыпался град обвинений.

Оставляя в стороне, за отсутствием до сих пор прямых доказательств трудно проверимый факт, серьезно ли желали или нет рыбаки Гамвика обратиться за помощью к нашему правительству, легко, однако, зная положение дел и взгляды местных промышленников, представить себе мысль о таком обращении.

Дело в том, что промышленники знают Россию и русских лучше и относятся к нам гораздо менее враждебно, чем пресса и более образованная часть страны. Промышленники норвежские имеют друзей, родственников и знакомых среди колонистов на Мурмане и, сравнивая свое положение с таковым их собратий, поселившихся в России, невольно выводят заключение не в пользу Норвегии. Правда, они здесь имеют широкие политические права, участие в выборах, возможность посылать своих представителей в Стортинг, но что им с того, если их желания и надежды не приводятся в исполнение и если экономические условия их жизни значительно тяжелее, чем таковые их сородичей в России. Громадные подати²⁴ и неумолимость властей при их взыскании, бедность страны, дороговизна жизненных припасов, упадок промыслов и разочарование в правительственной власти, не исполняющей насущных их желаний (как, например, вопрос о запрете боя китов), — все это заставляет их мало ценить несколько проблематичные для них блага цивилизации и свободы, которыми они, по словам газет, наслаждаются, и побуждает их скорее мечтать о переселении на Мурман, где все можно получать беспрошленно, где нет налогов, нет китобоев, где существует большая свобода промысла и где все их бывшие сородичи преуспевают и богатеют²⁵.

В Вардэ этою весною меня рыбаки осаждали просьбами помочь им перебраться на Мурман, указывая на все более и более тяжелые условия жизни в Норвегии²⁶.

Таким образом, весьма естественно объясняется желание рыбаков обратиться за помощью к России — мысль, крайне поразившая и обеспоко-

ившая прессу, но вполне понятная, если вспомнить, что с Россией у них соединено представление о возможности экономического преуспевания, правда, при утрате некоторых политических прав (не особенно, впрочем, ими ценимых), но зато при отсутствии податей и других условий, делающих столь трудною жизнь в Норвегии.

Газеты, обсуждая инцидент в Гамвике, позволили себе, конечно, некоторые инсинуации по адресу России. Если некоторые, менее осведомленные с положением дел (например, немецкие), видят тут прямую интригу России, то другие — норвежские — путем исторических справок стараются доказать наличность у России желания овладеть Тромсенскою и Финмаркенскою провинциями, чтобы иметь незамерзающую гавань (в Варангерском заливе или Нарвике).

Между прочим, одна из газет (“Morgenbladet”) поместила предположительную картину норвежского города при русских порядках²⁷, указывая на нашу систему дворников, на строгость наших паспортных постановлений, на запрещение носить оружие и др. Сатира, однако, не удалась автору. Напротив, статья наводит скорее на мысль о целесообразности и благодетельности этих русских порядков: дворники прибавили бы чистоты в городе, паспортная система с мая 1901 года уже введена и строго соблюдается в Норвегии, а запрещение носить ножи и оружие положило бы предел частым кровавым побоищам между пьяными норвежцами²⁸.

Интересно, что некоторые наблюдения из цитируемых выше донесений русского консула 1903 года почти буквально созвучны выводам, к которым более чем через сто лет в результате своих изысканий пришел профессор университета Тромсё Й. П. Нильсен — один из самых авторитетных современных норвежских специалистов по истории российско-норвежских отношений в Евро-Арктическом регионе. Он пишет: «Многое указывает на то, что северные норвежцы относились к русским гораздо более позитивно, чем люди, живущие в столице. В то время как столичные жители узнавали о русских из газет, жители Севера встречались с живыми людьми — своими торговыми партнерами, на которых могли положиться»²⁹.

В одном из донесений лета 1903 года, точную дату которого установить сложно, поскольку первый лист его не сохранился, О. Визель подробно рассказал о заседании представителей городского самоуправления в Хаммерфесте, где обсуждался вопрос о запрете боя китов. (При прочтении донесения складывается ощущение, что русский консул находился там лично.) Один из присутствовавших на заседании, высказываясь в пользу запрета китобойных промыслов и работы соответствующих заводов в Се-

верной Норвегии, ссылаясь на русский пример. Он полагал, что в России, на Мурмане, в похожей ситуации противостояния рыбаков и китобоев рыбаки обратились к царю, и царь не оставил без внимания просьбы и жалобы своих подданных, запретив действия местных российских китобойных предприятий³⁰.

«Русский царь имеет большую власть и может делать, что он пожелает», — заметил выступавший³¹. Судя по контексту, в котором это было сказано, говоривший вовсе не считал, что самодержавие — абсолютное зло...

Народные волнения в Северной Норвегии 1903 года не имели никакого отношения ни к Российской империи, ни к отдельным ее подданным. Тем не менее сугубо внутренние социально-экономические проблемы Северной Норвегии в ряде норвежских и европейских газет были расценены как угроза норвежскому суверенитету со стороны России. Власти Норвегии в ходе следствия, очевидно, выявили необоснованность этих подозрений. К аналогичным выводам пришло и российское консульство в Хаммерфесте.

Как в других, так и в этом конкретном случае русофобский миф об угрозе Северной Норвегии получил поддержку части норвежской интеллигенции и потому был растиражирован в печати. Но, видимо, он плохо воспринимался населением самой Северной Норвегии, активно вовлеченным в реальную взаимовыгодную торговую и подобную деятельность с русскими.

Российские власти, в начале 1860-х годов не только разрешившие, но и стимулировавшие колонизацию норвежцами российской территории — Мурмана, не имели планов ни экономической, ни военной экспансии применительно к Северной Норвегии. Более того, МИД России старался по возможности устранять все факторы, которые могли бы быть восприняты норвежской стороной как проявление экспансии и «угрозы» (даже не являвшиеся таковыми).

Мрачные опасения и предупреждения скандинавских русофобов конца XIX — начала XX века не оправдались, оставшись лишь в воображении памфлетистов и риторике политиков. Вскоре после описанных в этой статье событий, в 1905 году, Российская империя признала независимость Норвегии «во всей ее территориальной целостности» (как известно, первой в мире). Реальные взаимоотношения двух стран в последующие годы строились на принципах мирного сотрудничества, добрососедства, готовности обеих сторон к диалогу и решению спорных вопросов без применения силы.

¹ В дореволюционных источниках и литературе (как российских, так и норвежских) писалось «Финмаркен» (Finmarken). Согласно современной орфографии — Финмарк (Finnmark). В современной литературе используются оба варианта, обычно устаревший — при цитировании и современный — в авторском тексте.

² *Knaplund P.* Finmark in British Diplomacy, 1836–1855 // *The American Historical Review*. 1925. Vol. 30. № 3. P. 478–502; *Palmstierna S. F.* Sverige, Russland och England 1833–1855. Kring Novembertraktatens förutsättningar. Stockholm, 1932; *Kraft S.* Nord-Norge i de förenade konungarikernas handelstraktater med Russland. Stockholm, 1954; История Норвегии. М.: Наука, 1980.

³ В литературе наряду с «русской угрозой» используется и словосочетание «русская опасность» (в норвежском языке “Russisk trussel” и “Russisk fare” соответственно).

⁴ *Nielsen J. P.* Ønsket tsaren seg en istfri havn i nord // *Historisk tidsskrift*. 1991. № 4; *Nielsen J. P.* Russisk fare mot Nord-Norge? // *Ottar*. 1992. № 4 (192). S. 33–40; *Нильсен Й. П.* Миф о «русской угрозе» Северной Норвегии // Слово о людях и земле Поморской: тез. докл. III науч.-краевед. чтений «Слово о людях и земле Поморской» / под ред. А. В. Репневского. Архангельск, 1995. С. 77–86; *Он же.* Старая Россия и новая Норвегия (1905–1917): соседство без страха? // *Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке* / под ред. В. И. Голдина, Й. П. Нильсена. Архангельск, 1997. С. 6–28.

⁵ *Давыдов Р. А.* Влияние мифа о «русской угрозе» Финмарку на деятельность российских дипломатов в королевствах Швеции и Норвегии в конце XIX — начале XX века // *Баренц-журнал*. 2009. № 1 (7). С. 25–29; *Он же.* Миф о русской угрозе Северной Норвегии и его влияние на мероприятия властей Российской империи в Евро-Арктическом регионе (вторая половина XIX — начало XX в.) // *Империи и империализм Нового и Новейшего времени: сб. ст.* СПб., 2009. С. 356–361.

⁶ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 155. Оп. 445. Д. 27. Л. 20–20 об. Здесь и далее курсив мой. — *Р. Д.*

⁷ В России заинтересованные лица изучали эту «борьбу» еще в начале 1880-х годов. См.: *Барановский С. И.* Борьба в Норвегии между китоловами и рыболовами // *Труды Санкт-Петербургского отделения императорского общества для содействия русскому торговому мореходству*. 1880. С. 38–46.

⁸ АВПРИ. Ф. 155 «II департамент (Департамент внутренних сношений)». Оп. 445 «Север». Д. 33. Л. 68–72 об., 75–76 об., 78–83 об., 93–94.

⁹ Сборник норвежских узаконений, касающихся торговли и промыслов русских подданных в Северной Норвегии / сост. О. Визель. СПб., 1909. Фактически, это было переиздание другой книги: Сборник норвежских узаконений, касающихся русских подданных по производству торговли и промыслов в Северной Норвегии / сост. А. Теттерман. СПб., 1883. В сборнике, подготовленном О. Визелем, устаревшие за четверть века законы были заменены новыми, добавлены сведения о коммунальных городских сборах Тромсё, Хаммерфеста и Вардё, приведены сведения о применяемой в Северной Норвегии системе мер и весов.

¹⁰ Согласно современной норвежской орфографии — Hammerfest; русской — Хаммерфест. Между тем в российских источниках и литературе XIX — начала XX века, как правило, писалось «Гаммерфест». В статье мы используем оба варианта: современный — в авторском тексте и устаревший — в цитатах.

¹¹ Департамент внутренних сношений МИД России был учрежден в 1832 году, переименован во II департамент в 1897 году. К его компетенции относились: охрана прав и интересов российской торговли и мореплавания за границей; дела о юридических отношениях российских граждан за границей и иностранцев в России; переписка о российских гражданах, пребывающих за границей, и об иностранцах, находящихся в России. Кроме того, для заинтересованных ведомств собиралась информация по тем или иным конкретным вопросам, осуществлялся перевод официальных документов и т. д. Подробнее о деятельности II департамента и его руководителях см., например: Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: в 3 т. М., 2002. Т. 1: 860–1917 гг.

¹² В современной норвежской орфографии — Mehamn, в русской — Мехамн. Поселок Мехамн — административный центр муниципального образования (коммуны) Гамвик (Gamvik kommune), входящей в состав губернии Финнмарк (Finnmark fylke). Численность населения коммуны с 1980-х годов постоянно уменьшается; по состоянию на 01.01.2010 — 1009 человек. Подробнее о современном состоянии Гамвика и Мехамна см.: URL: <http://www.gamvik.kommune.no> (дата обращения: 21.04.2010) и URL: <http://www.ssb.no/english/municipalities/2023> (дата обращения: 21.04.2010).

¹³ Согласно современной норвежской орфографии — Vardø; русской — Вардё или Варде. Между тем в российских источниках и литературе XIX — начала XX века название города писалось также и как «Вардэ». В статье мы используем оба варианта: современный — в авторском тексте и устаревший — в цитатах.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 33. Л. 68–72 об.

¹⁵ Словосочетание «маленькая страна» после 8 августа 2008 года часто употреблялось в западных СМИ по отношению к Грузии. Даже когда был опубликован доклад комиссии ЕС, в котором вина за первый удар в так называемой «пятидневной войне» недвусмысленно была возложена на руководство «маленькой страны», в СМИ продолжали рассуждать о недопустимости и несоразмерности применения силы Россией.

¹⁶ Николай Андреевич Малевский-Малевич был тогда директором II департамента МИД России.

¹⁷ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 33. Л. 78–79 об.

¹⁸ У О. Визеля — «И. А. Шершед». Другой, более часто встречающийся вариант написания фамилии колониста по-русски — «Шершедт». Оригинальная фамилия — «Skjærseth»?

¹⁹ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 33. Л. 80, 93–94.

²⁰ Адрес-календарь Архангельской губернии на 1903 год со справочными сведениями по торговым и промышленным предприятиям и списком волостей Архангельской губернии. Архангельск, 1903. С. 23.

²¹ Адрес-календарь Архангельской губернии на 1904 год... С. 119; Адрес-календарь Архангельской губернии на 1905 год... С. 46. Интересно представить, как бы норвежские националисты отнеслись тогда к россиянину, принявшему норвежское подданство и вознамерившемуся занять в Норвегии административную должность, похожую на ту, что занимал норвежец И. А. Шерешдт в России?

²² АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 33. Л. 80.

²³ Как ни вспомнить искреннее удивление большей части западных журналистов выбором, сделанным населением Южной Осетии и Абхазии в пользу России, а не в пользу «свободной и демократической», ориентированной на Запад Грузии.

²⁴ Наиболее бедные рыбаки уплачивают в год 50–60 крон, вообще же население платит от 14 до 25 % подоходного налога. — *Прим. О. Визеля.*

²⁵ Подробнее о норвежских колонистах Мурмана в XIX — начале XX века, ссылки на источники и литературу о них см. (в хронологическом порядке): *Sæther O. Nordmenn på Murmankysten. En norsk koloni i Russland // Pomor. Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen år / E. Niemi (red.). Oslo: Gyldendal Norsk Forlag, 1992. S. 69–83; Попов Г. П., Давыдов Р. А. Мурман. Очерки истории края XIX — начала XX в. Екатеринбург, 1999. С. 29–57, 64–70; Порцель А. К. Норвежские колонисты на Мурмане // Наука и бизнес на Мурмане. 1999. № 2 (13): Россия и Норвегия: грани сотрудничества. С. 14–18; Юрченко А. Ю. Колонизация побережья Баренцева моря в XIX — начале XX века: два подхода к освоению региона // Скандинавские чтения 2000 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2002. С. 184–190; Коротаев В. И. Колонизация Мурмана иностранцами в контексте концепции модернизации // Вестник Поморского университета. 2004. № 1 (5). С. 18–31; Давыдов Р. А. Предыстория и начало норвежской и финской колонизации Мурмана. Формирование и трансформация собирательного образа мурманского колониста в 1860–1876 гг. // Живущие на Севере: образы и реальность: сб. науч. ст. / науч. ред. П. В. Федоров. Мурманск, 2006. С. 59–82; In the North My Nest is Made. Studies in the History of the Murman Colonization 1860–1940. SPb., 2006; Орехова Е. А. Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX — первой трети XX в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.*

²⁶ «В глазах норвежского правительства финмаркенские жители страдают недостатком национального чувства и индифферентизмом в политических вопросах», — отмечал российский консул В. А. Березников в середине 1890-х годов (*Березников В. А. Поездка по Норвежской Лапландии в 1894 году. СПб., 1897. С. 6–7*). На существование «огромного политического индифферентизма» (“great political indifference”) населения Северной Норвегии есть указания и в известных нам работах зарубежных авторов (см., например: *Derry T. K. A History of Modern Norway. 1814–1972. Oxford: Clarendon press, 1973. P. 83*).

²⁷ Настоящей же классикой темы «Скандинавия под русской оккупацией», находящейся на стыке политического памфлета и фантастики, стало произведение шведского автора Свена Хедина «Слово предупреждения» (1912), тираж которого превысил миллион (!) экземпляров при численности населения Швеции в то время

ок. 5,5 млн человек (*Аселтус Г.* Зеркало «русской угрозы» // *Родина*. 1997. № 10. С. 108).

²⁸ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 33. Л. 80 об.–83 об.

²⁹ *Нильсен Й. П.* Представление о России в Европе и Норвегии в XIX веке // *Россия и мир: история, международные отношения, наука и образование: сб. науч. ст. / отв. ред. Л. Б. Красавцев, сост. Ф. Х. Соколова.* Архангельск; М., 2009. С. 199.

³⁰ На самом деле русские предприятия, появившиеся на Мурмане в 1880-х годах, в том же десятилетии обанкротились во многом из-за неумелого ведения дел и больших административных расходов. См., например: *Попов Г. П., Давыдов Р. А.* Указ. соч. С. 146–148.

³¹ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 33. Л. 76.